

А. В. Шубин

НЕФОРМАЛЫ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Ключевые слова: перестройка, неформальное движение, Клуб социальных инициатив, «Память», ФСОК, «Община», «Народный фронт».

Аннотация. В статье рассматривается история политической неформалов — сети легально действующих общественно-политических организаций второй половины 80-х гг. Рассматривая их становление, первые кампании, расколы и уход с авансены общественного движения, автор делает вывод, что именно политические неформальные организации второй половины 80-х гг. стали создателями современного гражданского общества в России и оказали важное воздействие на процесс перестройки и, следовательно, современную политическую культуру России.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-1-134-156

Когда в СМИ и учебниках речь заходит о перестройке, то, как правило, говорится о политике Горбачева как источнике изменений этой эпохи. И лишь ближе к концу истории является новый герой Ельцин, который могучей дланью поворачивает колесо истории России в сторону ее современного состояния. Однако без десятков тысяч людей на улицах советских городов Ельцин не имел шансов на успех в борьбе с КПСС, да и весь ход перестройки был бы другим.

В 1985 г. СССР в политическом отношении напоминал снежную пустыню, среди которой возвы-

шался ледяной монолит КПСС. Диссидентское движение было подавлено, и только глубоко под снегом журчали незримые ручейки. Уже через пять лет на этом пространстве расцветало множество цветов самых разных расцветок. В стране возникло то, что называется гражданским обществом — система самостоятельных от государства и капитала общественных структур. Эту работу проделали политические неформалы.

Перестройка не была результатом только импульсов сверху. Она была двусторонним процессом, в котором импульсы сверху и снизу были одинаково важны.

© А. В. Шубин, 2020

Шубин Александр Владиленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); historian905@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕФОРМАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Первоначально неформалами называли неконтролируемые партией и государством общественно-культурные молодежные инициативы и течения, такие как панки и хиппи. В дальнейшем на авансцену общественного движения вышли политизированные группы, и слово «неформалы» перешло на них. В дальнейшем мы будем говорить об общественно-политических неформалах.

От социально-культурных неформальных движений 50–70-х гг. политические неформалы отличаются своей политизированностью, которая не могла проявиться до второй половины 80-х гг. До 1986 г. политизация вела либо к репрессивному разгрому, либо к вытеснению в диссидентскую сферу с ее правилами и ограничениями. Так что исторически явление политических неформалов могло возникнуть только во второй половине 80-х гг., когда несколько снизился уровень репрессивности. Теперь за высказывание оппозиционных идей уже не отправляли в лагерь, но вполне могли выгнать с работы или из института, что означало запрет на профессию.

Став новым для СССР общественным явлением, политические неформалы имели ряд важных отличий как от предшественников, так и от последующих общественных генераций.

В отличие от диссидентов, неформалы, если рассматривать их как явление в целом, обнаруживают очень мало «табу» и этически окрашенных ограничителей. Несмотря на то, что

каждая неформальная группа имела свои мифы, стереотипы и «табу», общего идеологического контура практически не существовало (за исключением общих с диссидентами принципов ненасилия, разделявшихся большинством). В неформальной среде довольно спокойно общались «демократы», «патриоты», анархисты, монархисты, коммунисты, социал-демократы и либерал-консерваторы различных оттенков. Первоначально группирование неформалов происходило совсем не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — защитники памятников, педагоги, экологи и др.

Отношения основной части неформалов и их меньшинства, наследовавшего взгляды диссидентов, были натянутыми. Неформалы затем, как правило, скептически относились к Демократическому союзу, стремившемуся наследовать диссидентам. Характер отношений неформалов и бывших диссидентов характеризует полемика Д. Волчека — редактора «Митина журнала» и ленинградских неформалов. Д. Волчек обвинял неформалов в нерешительности, локальности требований, «стремлении выстроить свои органы по уже существующей советской бюрократической схеме», в «губительной тяге к компромиссам», «желании любой ценой, в том числе и ценой прямого раскола, отгородиться от правозащитного движения» (По страницам самиздата 1990: 51). Е. Зелинская, редактор журнала «Меркурий» отвечала ему: «Говорить о расколе между никогда не сливавшимися движениями также некорректно, как сообщать о разводе двух людей, не только не состоявших в браке ранее,

но говорящих на разных языках» (Там же: 58).

Вопреки мнению авторов, которые пытаются вывести генеалогию политических неформалов 1986–1988 гг. из диссидентского движения¹, большинство лидеров неформальных групп (в том числе в Москве и Ленинграде) не имело опыта оппозиционной деятельности до 1985 г. Число диссидентов, которые уже в 1986–1987 гг. приняли участие в строительстве политического неформального движения, крайне мало. Прежде всего люди с оппозиционным опытом группировались в семинаре «Демократия и гуманизм» (В. Новодоворская и др.). А. Подрабинек, Л. Тимофеев и С. Григорьянц занялись перезапуском самиздата. Но для большинства неформалов эти люди были чужаками, которых тогда было принято критиковать за грубую «антисоветчину», противостоявшую перестройке. «Своими» смогли быстро стать приверженные социалистическим идеям участники дела «молодых социалистов» Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин, а также Г. Павловский и В. Игрунов. За ними, правда, тянулся шлейф доперестроечных конфликтов, влиявший и на атмосферу в неформальных структурах, в которых они участвовали². Но в таких крупных неформальных сетях, как Федерация социалистических общественных клубов, Заочный социально-политический клуб, Социально-экологический союз, преобладали другие люди. Это были, во-первых, участники допере-

строечных неполитических неформальных движений, во-вторых — создатели маленьких подпольных левацких групп, вдохновленных вовсе не диссидентством, а чтением доступной марксистской и революционно-демократической литературы, в-третьих — коммунисты-ревизионисты (иногда — с партбилетом КПСС), желавшие активизировать перестройку, и только в-четвертых — неортодоксальные диссиденты, к которым примыкали более молодые люди, резко отрицательно относившиеся к советскому строю, читавшие самиздат и тамиздат, но прежде не участвовавшие в общественной деятельности в силу возраста.

Неформальное движение в целом вовсе не было изолировано от советского общества и не противопоставляло себя ему. Для неформального движения было характерно стремление к социальному творчеству, горизонтально-сетевая структура, ориентация на сотрудничество, конкретное социальное «делание» при большом интересе к тому, как конкретно можно преобразовать общество.

В 1986–1987 гг. по всей стране возникали десятки политизированных неформальных клубов, официально выступавших в поддержку перестройки. Для многих активистов это был только первый шаг в борьбе с существующим режимом за коренное преобразование общества. Не зная о существовании других подобных клубов, участники первых неформальных организаций ориентирова-

¹ См., например: (Сигман 2014: 56–58). К. Сигман даже пытается вывести «основу будущего неформального движения» из попыток инакомыслящих В. Игрунова и Г. Павловского наладить диалог с властью.

² Подробнее см. (Шубин 2006: 17–18).

лись на то, что им предстоит сагитировать чуть ли не всю страну. В этих условиях особое значение приобрели организации, стремившиеся создать для начала сеть из разрозненных и полуподпольных политических кружков.

Такой работой целенаправленно занимался Клуб социальных инициатив (КСИ). В отличие от лидеров других группировок, появившихся в это время, инициатор КСИ Г. Пельман поставил своей задачей не убедить остальных в своей правоте, а перезнакомить неформалов между собой. И здесь возникает тема административной «крыши» первых неформальных групп, из наличия которой соблазнительно сделать вывод об их управляемости сверху.

Через свои контакты с академиком Т. Заславской — президентом Советской социологической ассоциации (ССА), Пельман сумел получить доступ к зальчику на Арбате, где КСИ проводил круглые столы, на которых выступавшие говорили «кто во что горазд» — ведь раньше можно было высказываться только в узком кругу знакомых, а теперь — публично³. 12 мая 1987 г. КСИ стал коллективным членом ССА, получив таким образом официальный статус и роль «канала» к реформистским «верхам» — через президента ССА Т. Заславскую.

Характер отношений неформалов с реформистами в руководстве страны был противоречивым. Французская исследовательница К. Сигман пишет о нем: «Неформалы по боль-

шому счету являются оппозиционерами, надеются изменить систему, и некоторые надеются сделать это с помощью тактического сговора с реформистским крылом партии. Тем не менее подобные взаимодействия делают их уязвимыми по отношению к некоторым акторам политического пространства. Поэтому они должны постоянно демонстрировать независимость, непокорность своим союзникам» (Сигман 2014: 38). Впрочем, и Заславская не проявляла заметного желания «управлять» неформалами. В результате контакты с «верхами» по этому каналу сводились к информированию и по своему характеру были равноправными. Стремясь защищаться от возможных репрессий, часть неформалов на этом этапе была заинтересована в установлении таких контактов даже в большей степени, чем высокопоставленные реформаторы.

КСИ установил контакты с несколькими неформальными организациями: «Перестройкой», «Общиной», Прибалтийском клубом социально-активных людей (КСАЛ), Заочным социально-политическим клубом, «Гражданским достоинством». Это привело к формированию целой сети контактов между неформалами.

Другой площадкой, где могли знакомиться и высказываться неформалы, стал клуб «Перестройка», проводивший дискуссии в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ). Фактически «Перестройка» возникла на заседании клуба друзей «ЭКО» (экономический журнал, пользовавшийся популярностью

³ Подробнее см. (Там же: 37–42).

у либерально-коммунистической интеллигенции) в феврале 1987 г., в котором приняли участие сотрудник Центрального экономико-математического института В. Перламутров, экономист-коммунист Е. Гайдар, ленинградцы П. Филиппов, В. Монахов и др.

В. Перламутров договорился о предоставлении помещения для клуба в его институте, и ЦЭМИ стал одним из центров общественной жизни. Публика не собиралась удерживаться в академических рамках. Ведь она получила место, где можно говорить обо всем, что наболело. Гайдар «охладел» к клубу, другие видные либерально-коммунистические деятели заходили на заседания как почетные гости, но именно гости, а не руководители.

Приглашали видных ученых и публицистов: Б. Курашвили, М. Айвазяна, В. Данилова-Данильяна, Н. Петракова, И. Клямкина и др. Послушать их собиралось до 300 человек, которые участвовали в обсуждении услышанного. Рассказывает завсегдатей «Перестройки» В. Прибыловский: «На “Перестройке” заметно проявлялось то, что потом стали называть “демшиза”. Туда ходило много людей, которым не хватает общения — сейчас они все в интернет-чатах сидят. А президиум, куда более разумный, пытался это регулировать. Я чувствовал, что это — атмосфера якобинского клуба, когда он только зарождался»⁴.

Одновременно с москвичами действовали и ленинградские «друзья

ЭКО». П. Филиппов и В. Монахов инициировали в мае 1987 г. создание «Перестройки» в Ленинграде.

В Ленинграде, городе, перенасыщенном оппозиционно настроенной интеллигенцией, быстрее, чем в Москве, начался характерный для перестройки процесс «размножения делением» организаций. В это время в городе уже возник крупный неформальный центр — в начале года при литературном Клубе-81 возник Совет по экологии культуры, в котором участвовали культурозащитные и экологические группы («Спасение», «Дельта», редакция журнала «Меркурий» и др.). «Перестройка» также стала участвовать в Совете, претендуя на политическое лидерство. Однако выяснилось, что вся эта система состоит из людей разных взглядов и темпераментов. В апреле 1987 г. из Совета выделился более политизированный «Эпицентр». «Перестройка» одно время пыталась политически руководить «культурниками», но вскоре выяснилось, что в рядах «политиков» тоже нет единства. Обсуждение консолидации общественного движения в «Перестройке» и вокруг нее кончилось скандалом в конце августа 1987 г. Выделилась более радикальная «Рабочая группа Культурно-демократического движения», которая обвиняла «Перестройку» в соглашательстве. Аналогичный процесс назревал и в Москве.

К осени 1987 г. во всех крупных клубах Москвы (КСИ, «Перестройка», «Община») возникли похожие проблемы. Группы стали уже достаточно

⁴ Прибыловский В. Беседа с автором. 2 апреля 1994 г.

многочисленными и деятельными. Им было мало одних дискуссий, количество контактов и людей росло. Группы стали почковаться на секции, занятые «практическими делами». В результате между секциями стало ослабевать взаимодействие, они не очень хорошо знали о работе друг друга и обвиняли друг друга в бездействии. Если КСИ распался тихо, а «Община» после кризиса во время «дела Ельцина» смогла сохраниться, то «Перестройка» шумно раскололась в ноябре 1987 г. на «Демократическую перестройку» и «Перестройку-88», радикальный актив которой затем вошел в Демократический союз.

При этом из «Перестройки» выделилось несколько проектов, ставших самостоятельными организациями. Так начинались общество «Памятник» (затем «Мемориал») и Межклубная партийная группа, к 1990 г. выросшая в «Демократическую платформу в КПСС».

КСИ и «Перестройки» были прежде всего столичными. Но и в провинции возникла сеть контактов политических активистов — Заочный социально-политический клуб (ЗСПК). В 1986 г. оренбургский инженер А. Сухарев создал сеть обсуждения общественно-политических проблем по переписке в 50 человек, которая в дальнейшем выросла до нескольких сотен адресов. Переписка была организована «таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма, следующему; тот — третьему, и так далее. В результате, письмо, пройдя цепочку адресов, превращается в рукописный журнал» (Кузнецов 1990: 40). Эта си-

стема была похожа на интернет-дискуссию, только медленные. Теперь люди могли поделиться идеями, которые вынашивались годами в безнадежном политическом вакууме. Все эти идеи, первоначально удивительно похожие из-за общности марксистско-ленинского источника, столкнулись в острой дискуссии.

Часть быстро находящих между собой взаимопонимание людей стало формировать в ЗСПК марксистско-ленинское ядро (центрами этой тенденции стали Киев, где переписку координировал И. Купка, а затем Москва). Небольшое количество старых членов ЗСПК, включая Сухарева, вышли за рамки марксизма-ленинизма. В августе 1987 г. заочный клуб переименовался более серьезно — во всесоюзный (ВСПК).

Политические неформалы с недоверием относились к бывшим диссидентам, сохранившим открыто антисоветские взгляды, и к националистам. В результате у ядра неформалов сложились натянутые отношения с организациями «Демократия и гуманизм» и «Память».

В 1987 г. по инициативе участниц диссидентского движения Е. Дебрянской и В. Новодворской возник правозащитный семинар «Демократия и гуманизм». «Демократия и гуманизм» стала основным наследником диссидентского движения в неформальной среде. Несмотря на участие в семинаре группы молодых «младомарксистов» (А. Грязнов, А. Элиович и др.), основное направление пропаганды семинара было либеральным в собственном смысле слова. Летом 1987 г. участники

семинара попробовали провести несколько уличных акций. Но они были малочисленными (10–20 участников) и либо напоминали прогулки по Тверскому бульвару, либо пресекались милицией. Как правило, в присутствии милиции Новодворской и ее товарищам удавалось агитировать прохожих лишь несколько минут. Так сформировался их митинговый стиль — разъяснение своей программы окружающим гражданам не так важно, митинг ориентирован на демонстрацию радикально-либеральных лозунгов (плакатов вроде «Долой КПСС!»), после которой милиция «задерживала» смутьянов, доказывая на практике тем самым репрессивный характер режима.

«Демократия и гуманизм» стал организационным ядром первой крупной неформальной организации, которая 8 мая 1988 г. провозгласила себя партией «Демократического союза» (ДС). Партия (точнее протопартия, причем первая, как мы увидим), программой которой стала многопартийность как таковая, бескомпромиссно критиковала тоталитарный режим КПСС, октябрьский переворот 1917 г. и выдвинула наиболее радикальные формулировки либеральной программы: «Сложившийся за 70 лет советский общественный строй характеризуется следующими реалиями: жесткой идеологической однозначностью, хронической бедностью населения, закрытостью общества, безраздельным господством партаппарата КПСС, преследованием инакомыслящих и бесправием народа.

Предлагаемые нами реформы приведут к замене этих реалий качест-

венно иными: парламентской демократией, плюрализмом, свободной от бюрократического диктата экономикой с допущением частной собственности на средства производства и возможностью свободной агитации за иной общественный порядок» (Демократический союз 1988).

I съезд ДС проходил 7–9 мая в Москве, а затем в Кратово. ДС стал постоянным «политическим раздражителем», классическим образцом «политического экстремизма» времен перестройки, когда верхом экстремизма считалось не применение оружия (ДС до 1991 г. категорически выступал за ненасильственный характер своей борьбы), а демонстративное непризнание существующего режима и его законов. Принципы ДС были просты и вполне соответствовали настроениям общедемократической общественности, но были сформулированы в гораздо более радикальной, шокирующей форме.

Особняком в неформальном движении стояла «Память». Она вызывала отторжение у большинства неформалов своими ксенофобскими шовинистическими лозунгами (борьба с «сионско-масонским заговором» в КПСС и во всем мире).

Всесоюзную известность «Память» приобрела после демонстрации в Москве 6 мая 1987 г. Объединение «Память» стало первой неформальной организацией, которая смогла провести в столице настоящую несанкционированную демонстрацию, хотя и не оппозиционную. Поводом стала выставка проектов памятника на Поклонной горе.

Набрав «критическую массу» в несколько сот человек на Манежной площади, где проходила выставка, колонна патриотов и любопытствующих двинулась по ул. Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. Милиция получила указание не препятствовать выступлению, движение по улице было перекрыто. Когда демонстрация дошла до здания Моссовета, ее пригласили внутрь. Там с демонстрантами встретился первый секретарь горкома КПСС Б. Ельцин. Он согласился, что в прежние годы было разрушено множество памятников истории и культуры, но утверждал, что теперь положение изменилось. Обсуждалась необходимость обеспечения конституционного права на митинги и демонстрации.

После акции началась кампания травли «Памяти» в прессе, которая принесла ей дополнительную известность и популярность в среде националистической общественности.

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Возникновение и выход из подполья десятков общественно-политических организаций неизбежно вел к возникновению политического поля — системы взаимодействующих политических организаций различных идеологических направлений. Собственно, именно этого поля не хватало в СССР, чтобы возникло полноценное гражданское общество. Его элементы уже возникли, но в единую систему их могло соединить только политическое поле.

Большинство неформальных организаций осознавало, что заметного успеха их направление может добиться только в союзе с родственными группами по всей стране. Поэтому общественные клубы вели борьбу за собрание (как правило, вокруг себя) коалиций и объединений с прицелом на создание всесоюзных организаций.

20–23 августа в ДК «Новатор» под эгидой Черемушкинского и Севастопольского райкомов КПСС прошла Информационная встреча-диалог «Общественные инициативы в Перестройке» (такое сложное название было выбрано, чтобы избежать опасного для властей понятия «конференция», которая могла бы что-то учредить). Собрались представители 50 клубов из 12 городов — в зале сидело более 300 человек. Участники не знали, повторится ли возможность вот так «вывалить наболевшее» перед публикой.

«Августовская встреча производила впечатление нереальности того, что происходит. Такого не может быть. Слишком много свободы, люди раскованно говорят»⁵, — вспоминает П. Кудюкин. Иные ощущения были у С. Станкевича, присутствовавшего здесь в качестве молодого коммуниста: «Там было много такого, что казалось какой-то нелепостью, аномалией, чем-то несерьезным и экстравагантным. Я не почувствовал, что есть некая политическая сила, которая может чего-то достичь. Но в то же время целый ряд выступлений, оценок, интерпретаций показались очень интересными»⁶.

⁵ Кудюкин П. Беседа с автором 23 сентября 1994 г.

⁶ Станкевич С. Беседа с автором 10 июня 1993 г.

«Интригой первого дня встречи было: давать ли слово Новодворской. Социалисты говорили, что нас всех прихлопнут и закроют. Она же с ее сторонниками — объективные провокаторы. На что мы начали возражать: “Демократы мы в конце концов или не демократы. Ей нужно дать слово. А как же иначе мы будем с ней спорить”»⁷.

«Вышла Валерия Ильинична Новодворская и начала гвоздить КПСС. И затем продолжает: “Тут создается секция политклубов. Мы, семинар “Демократия и гуманизм”, намерены записаться в эту секцию. Нам нужны помещения, чтобы проводить в них собрания”. С места ей кричат: “Вам дадут помещения!” Но Валерия Ильинична проигнорировала эту ремарку: “Что же, мы так собрались и разойдемся? Предоставим возможность партократам поплясать на наших костях? Я предлагаю провозгласить это заседание Учредительным собранием России!” Гриша Пельман, который упрасивал представителей парторганов предоставить под это дело помещение, не знал, куда деваться. Если эта толпа вдруг провозгласит себя учредительным собранием, посадят одного»⁸. Несмотря на то, что неформалы в большинстве своем не одобряли речи Новодворской, но они голосовали за то, чтобы «экстремисты» продолжали говорить. Это было пока непривычно и потому интересно.

«Идею самопровозглашения себя Учредительным собранием почти никто

не поддержал, но и расходиться просто так неформалы не хотели. Пора было создавать “большую организацию”. Поскольку мнения были самые разные, то решили создать специальную группу для выработки решения. Эта группа скоро распалась на две. Одна — мы с Кагарлицким — решила создать Федерацию социалистических общественных клубов (ФСОК). Мы заготовили резолюцию, частично переписав ее из декларации “Общины”. Тактическая часть о КПСС была прописана Кагарлицким»⁹, — рассказывает А. Исаев.

Декларация ФСОК стала компромиссом между идеями «общинников» и левых марксистов (прежде всего Б. Кагарлицкого). В Декларации ФСОК множество текстуальных совпадений с декларацией «Общины», но первая более умеренна и не ссылается на народнических авторитетов. Идеологи ФСОК пророчески утверждали: «Вопрос победы перестройки является вопросом жизни и смерти социализма в СССР»¹⁰.

Также на встрече была провозглашена общедемократическая Ассоциация «Кольцо объединенных инициатив», которая так и осталась идеей. Но идея общедемократической (не только социалистической, лишенной определенной идеологии) организации имела большое будущее в 1989–1990 гг.

Встреча заканчивалась в ощущении изнеможения от наговоренного. «Ког-

⁷ Кудюкин П. Беседа с автором.

⁸ Исаев А. Беседа с автором 5 апреля 1999 г.

⁹ Исаев А. Беседа с автором.

¹⁰ Архив Шубина А. В. Ф. 1987. Декларация Федерации социалистических общественных клубов.

да все заканчивалось, вообще все, слово брал Жириновский и при свете гаснущих ламп уходящим людям что-то вещал. И, в отличие от нынешних времен, мало кто его слушал»¹¹, — вспоминает В. Гурболиков.

ФСОК стала первой в стране всесоюзной политической организацией с оппозиционной идеологией, существовавшей вполне легально. Первоначально в нее вошли «Община», КСИ (реально участвовала только группа Кагарлицкого «Социалистическая инициатива»), Московская группа ВСПК, московская и ленинградская «Перестройки» (реально участвовала только небольшая группа московских «перестройщиков»), «Лесной народ» (близкая по взглядам к «Общине» педагогическая группа, лидеры которой вскоре присоединились к «общинным социалистам»), «Альянс» (молодежная секция ФСОК, созданная «Общиной»), несколько интернациональных бригад (молодежных групп, специализирующихся на интернациональной работе), педагогическая группа Юные коммунары-интернационалисты, клубы «Альтернатива» из Архангельска и «Планета» из Оренбурга и еще несколько клубов, позднее фактически не участвовавших в работе ФСОК. До конференции ФСОК был создан оргкомитет Федерации, которым фактически руководили демократический марксист Б. Кагарлицкий и анархист из «Общины» А. Исаев. В конце 1987 — начале 1988 г. ФСОК вобрал в себя десятки организаций.

1–2 мая 1988 г. ФСОК провела «слет» (слово из словаря допере-

строечных неформальных движений), на который прибыло 118 делегатов из 39 организаций общей численностью (по данным делегатов) свыше тысячи человек. Поскольку в Москве для всесоюзного форума такой организации нельзя было найти помещения, слет прошел в лесу недалеко от г. Дедовска Московской области. Главная задача слета заключалась в том, чтобы принять политическую программу и таким образом окончательно превратить ФСОК в реальную политическую организацию. «Общинники» и марксисты сумели согласовать программные документы. В то же время ни «общинники», ни левые марксисты не считали необходимым вставать в резкую оппозицию к КПСС. Их стратегия заключалась в давлении на КПСС, рассчитанном на поддержку левосоциалистических сил в партии. Поэтому программные документы ФСОК получили название «Обращение к XIX партконференции» и «Возможные предложения перестройки в СССР». Однако издания ФСОК не скрывали, что будут бороться за эти принципы независимо от того, учтет ли их КПСС.

Социалистическим идеологам ФСОК было важно совместить свои социалистические принципы (самоуправление трудящихся, коллективное распоряжение средствами производства, синдикалистский принцип делегирования при формировании системы власти) и возможности создания широкого демократического блока. Программа включала радикально сформулированные

¹¹ Гурболиков В. Беседа в автором.

требования свободы слова, печати, собраний¹².

ФСОК отказался называться партией по принципиальным соображениям — входившие в его состав «общинники» выступали против как однопартийной, так и многопартийной системы.

Новые политические организации не были партиями в классическом смысле слова, и поэтому их правильнее называть протопартиями. ФСОК была социалистической протопартией. Социалистической партией ФСОК так и не стала — в конце 1988 г. она раскололась на сторонников «Народного фронта» и неонародников (социалистов-федералистов), в дальнейшем — анархо-синдикалистов.

Кроме ФСОК и постепенно оформлявшегося в марксистско-ленинскую протопартию ВСПК в 1987 г. возникла и «зеленая» протопартия — Социально-экологический союз (СоЭС). Создателями СоЭС стали участники и союзники движения Дружин охраны природы (ДОП).

3–9 августа 1987 г. в Кавказском биосферном заповеднике Гузерипль прошла конференция, на которой было провозглашено создание СоЭС и заявлено о подготовке полномасштабной учредительной конференции крупной экологической организации.

На конференцию, которая прошла 24–26 декабря 1988 г., съехались представители 150 групп из 90 городов страны, которые приняли устав

Социально-экологического союза (СоЭС). В него вошли группы, возникшие на волне акций протеста против вредных производств. Костяк организации составили бывшие «дружинники». В кулуарах конференции по инициативе С. Фомичева был создан оргкомитет будущей партии «Зеленые». СоЭС в 1989–1990 гг. сам фактически стал партией «Зеленые» и провел 6 своих членов в депутаты.

Уход части профессионалов усилил социально-экологическое течение в СоЭС. В 1989–1990 гг. организация быстро росла за счет местных «непрофессиональных» групп, и экологическое движение добилось крупных успехов (решения об остановке строительства ГЭС, АЭС и химзаводов, канала Волга-Чограй и др.).

Города России, Украины и Белоруссии отставали в формировании политического поля от Москвы и Ленинграда на несколько месяцев. В 1987 г. в нескольких городах возникли активные неформальные группы, но только в 1988 г. и в провинции возникли свои «политические спектры», в целом соответствовавшие спектру в столицах, хотя и со своими особенностями.

Так, в Апатитах 26 июня 1987 г. на базе Полярного геофизического института было создано Добровольное общество содействия перестройке. Первоначальная численность — 8 человек, которые пропагандировали общедемократические и социал-демократические идеи. В июле 1988 г. общество попробовало участвовать в местных выборах, с октября — проводило ми-

¹² Подробнее о ФСОК см. (Шубин 2006: 117–119, 151–163, 241–250).

тинги. В 1989 г. при поддержке движения был избран депутат СССР А. Оболенский.

В Барнауле осенью 1987 г. несколько полуподпольных групп приняли участие в инициированной экологами кампании против строительства Катунской ГЭС. Экологи включились в работу СоЭС, а политики создали Политцентр, в который вошли: группа студентов-историков «Устная история», группа «творческой молодежи» «Авангард», «Движение 5 мая» (студенты-экономисты, критиковавшие КПСС с марксистско-ленинских позиций), «Красные неформалы» (сторонники «военного коммунизма»). В 1988 г. Политцентр подключился к кампании «Мемориала» и протестам против номенклатурного подбора кандидатов на партконференцию. Марксисты-ленинцы ушли из Политцентра, создав коммунистическую группу «25 октября». Демократы создали более широкое общедемократическое «Общество активных сторонников перестройки».

В Красноярске еще в 1983 г. друзья Н. Клепачева, уволенного с работы за критику, стали бороться за его восстановление на работе. В мае 1987 г. они создали «Комитет за реабилитацию Н.А. Клепачева», который в 1988 г. добился победы — Клепачев был восстановлен на работе. Тогда организация была переименована в Комитет содействия перестройке, КСП. Комитет боролся за демократизацию жизни в трудовых коллективах, против злоупотреблений должностных лиц, направлял письма с критикой местных властей, за что подвергся «проработке» в прессе. КСП проводил митинги

(первоначально в союзе с экологами, затем — на общедемократической основе). Лидер КСП В. Масанский был исключен из КПСС. Комитет вошел во ФСОК. Затем вместе с политклубом «Отечество» (существовал с 1986 г.) и экологами КСП вошел в краевую ассоциацию политклубов, затем — в общедемократическое движение.

Демократическое движение в Свердловске около года представляла группа «Митинг-87» (названа в честь митинга в защиту Ельцина). Она объединяла ельцинистов и членов ДС, проводила митинги против сталинизма и произвола номенклатуры КПСС, часто разгонявшиеся. Не входившая в ДС часть членов «Митинга-87» была затем поглощена общедемократическим движением. Дискуссионной площадкой, аналогичной московской «Перестройке» был клуб «Дискуссионная трибуна», организованный Г. Бурбулисом.

К весне 1988 г. неформальное движение после бурного развития конца 1986 — начала 1988 г. столкнулось с кризисом. Ему стало тесно в кружках и клубах, которые объединяли несколько тысяч человек по всей стране. Неформалы считали, что пора познакомить с их идеями широкие слои населения. Но доступа в СМИ у неформалов не было. Выход был один — прорыв на улицу.

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ УЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Поводом для первичного выступления неформалов стал конфликт в ЦК КПСС, вызванный выступлением

Б. Ельцина 21 октября 1987 г. Официально о конфликте пока не сообщалось, и неформалы узнали о нем от знакомых журналистов.

4 ноября в их среде началась бурная дискуссия о возможности и необходимости включаться в этот конфликт. Часть лидеров неформалов во главе с Б. Кагарлицким и А. Исаевым настаивали на поддержке Б. Ельцина, часть (В. Корсетов, А. Шубин и др.) считали, что это недопустимо. Противники поддержки Ельцина настаивали на том, что, во-первых, неизвестна его программа, во-вторых, вызов большинству ЦК со стороны маломощных неформальных групп ничего не изменит и только разрушит уже освоенные направления работы. Сторонники поддержки считали, что необходимо как можно активнее участвовать в политической жизни страны, поддерживать раскольников в руководстве КПСС с тем, чтобы формирующееся гражданское движение смогло действовать в союзе с партийными оппозиционерами.

Сторонники выступления попытались добиться разрешения на легальный митинг, но неудачно. «Община» обсуждала возможность самостоятельного несанкционированного властями выступления. Результатом споров было компромиссное решение — проводится пикет и сбор подписей не в поддержку Ельцина, а в защиту гласности в деле Ельцина. 9 ноября пикет, собиравший подписи у метро «Улица 1905 г.» («общинник» В. Гурболиков и лидер ленинградской группы «Спасение»

А. Ковалев, с этого момента тесно сотрудничавший с «Общиной»), собрал вокруг себя несколько сот интересующихся людей и был задержан нарядом милиции во главе с председателем Краснопресненского райисполкома. Власти опасались дальнейшей эскалации конфликта и отпустили задержанных без последствий. Волнения студентов в защиту Ельцина произошли в МГУ¹³. По крупнейшим городам — Москве, Ленинграду, Свердловску — прокатилась волна малочисленных демонстраций и митингов.

После того, как весной 1988 г. реформаторы, воспользовавшись письмом Н. Андреевой, нанесли новый идеологический удар по консервативному крылу КПСС, начался прилив нового актива в неформальные организации. Неофиты 1988 г., которые уже в 1989 г. стали ветеранами демократического движения, в массе своей меньше интересовались конструктивной программой преобразований общества. Идеологи неформалов, чувствуя, что перед ними благодатная почва для пропаганды, принялись убеждать новичков в правоте именно их идей, а не демократически окрашенных марксистско-ленинских стереотипов. Эта работа была благодатной в среде молодежи, но взрослые люди со сформировавшимися стереотипами отмахивались от этих споров и искали действия, которые могут нанести «поражение бюрократам». В общественном движении набирали силу стереотипы, распространенные в массовом сознании со времен начала перестройки: достаточно отстранить от власти

¹³ Подробнее см. (Шубин 2006: 127–140).

нынешнюю бюрократию — некомпетентную и идеологически догматичную. Это придаст новому чиновничеству профессионализм и демократизм, готовность служить на благо народа.

Весной 1988 г. неформалы пришли к выводу о необходимости развернуть кампанию массовых демократических политических манифестаций, в которые будут вовлечены не только сами неформалы, но и люди, прежде не принадлежащие к оппозиции. Копившееся в обществе недовольство торможением реформ могло, по мысли лидеров движения, через эту кампанию оказать воздействие на политический курс.

Народ ходил по улицам, но неформалам путь туда был заказан «Временными правилами» о проведении митингов и демонстраций, которые были введены после демонстрации «Памяти» и вводившие разрешительный порядок уличных мероприятий.

Для того чтобы запустить цепную реакцию митингового протеста, нужно было провести такую акцию, которую власти хотя бы сначала не смогут разогнать. Проведение такой акции задумали лидеры «Общины» и «Гражданского достоинства».

Главным требованием несанкционированной демонстрации была сама свобода митингов как таковая — т. е. отмена «временных правил». Предлагалось устроить свободу явочным

порядком и уже в ходе митинга говорить, кто о чем хочет: излагать программы, обсуждать текущую политическую ситуацию, в том числе выборы на партконференцию. Неформалы относились к выборам на конференцию скорее как к поводу для критики КПСС. Недемократичность выборов доказывала недемократичность правящей партии.

Первая массовая демократическая демонстрация 80-х гг. была подготовлена тщательно. Участники скрытно собрались в трех местах, и в условленный час вышли на площадь перед Большим театром, где их ждали оповещенные заранее корреспонденты. Демонстранты прошли по улице Горького до Пушкинской площади, власти не решились на разгон.

Наблюдатель С. Митрохин писал: «Процессия тронулась в путь, являя притихшему обывателю центральных улиц весьма колоритное зрелище: впереди и по бокам колонны, ракообразно пятясь и неимоверно извернувшись всем телом, роятся обладатели съемочной аппаратуры. Шествие возглавляет Андрей Исаев. Вкрадчиво вышагивая и немного пригибая голову, он сжимает в своих руках древко черной хоругви¹⁴. Следом за ним, на соответствующем расстоянии от лидера 5 или 6 человек несут красное полотнище с желтыми буквами: “Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, социализм без свободы — это рабство и скотство”...

¹⁴ С. Митрохин ошибся. Из фотографий, сделанных «обладателями съемочной аппаратуры», следует, что А. Исаев нес красное знамя. Черное знамя несли «альянсисты». В своем описании Митрохин «вручил» красное знамя Исаеву ближе к концу шествия, чтобы таким образом продемонстрировать его «оппортунизм».

Затем приступаем к своеобразному политическому бадминтону. Зычный голос назойливо выкрикивает (словно подбрасывая) злободневное словцо в дательном падеже: «Перестройке!..» — и изготовившиеся партнеры парируют эту подачу немудреным и односложным «Да!!!», «Бюрократии!..» «Нет!!» «Конституции!..» «Да!!!» «Временным правилам!!!!...» «Нет!!!»» (Митрохин 1988).

На Пушкинской площади состоялся большой по тому времени митинг — полчаса и около тысячи людей. Настроение собравшихся хорошо характеризует выступление А. Золотаревой из «Гражданского достоинства»: «Господа, мне восемнадцать лет, но за все семьдесят лет я никогда такого не видела... Давайте споем «Интернационал»!»¹⁵ Было решено еженедельно собираться здесь на московский «Гайд-парк».

В этот же день в Ленинграде Демократический союз собрал митинг за многопартийность перед Казанским собором. После того, как несколько участников митинга были задержаны, неформалы прошли демонстрацией до отделения милиции с пением «Интернационала» и «Варшавянки». Задержанных отпустили. Перед Казанским собором возник ленинградский «Гайд-парк».

С 28 мая митинги в московском «Гайд-парке» стали проводиться каждую субботу. Темы выступлений

были самыми разнообразными — от текущей политической ситуации и программ реформ до событий в Новочеркасске в 1962 г. Здесь пропагандировалась идея «Народного фронта». На этих митингах выступали представители большинства столичных неформальных организаций, а среди слушателей были многие известные в будущем политики, включая В. Жириновского, С. Юшенкова, С. Станкевича¹⁶. После самого митинга слушатели разбивались на множество «тусовок» и долго еще не расходились.

Площадка перед «Известиями» стала местом встречи интересующейся общественности не только Москвы, но и других городов. Люди, побывавшие в «Гайд-парке», переносили «прогрессивный опыт» домой.

«По примеру Москвы митинги стали проводиться в других городах. Здесь мы установили контакты с ярославцами, которые тоже решили организовать Народный фронт. Меня пригласили в Ярославль, и я там выступал на митинге. Народ радовался, что «человек из Москвы приехал», хотя я был совершенно никто»¹⁷, — вспоминает В. Гурболик. 8 июня был проведен первый митинг за лишение первого секретаря обкома Ф. Лощенкова мандата делегата партконференции (и он действительно был отозван). Было собрано 7000 подписей против него. 18 июня в «Народный фронт» записалось более 400 чело-

¹⁵ Видеоостенограмма встречи ветеранов общественного движения в ДК «Медик». 1997. В «Общине» приведен отредактированный вариант: «Мне 18 лет, все эти годы я живу в СССР, и никогда такого не видела. Как хорошо, что это стало возможным...» (Община 1988: 20).

¹⁶ (Община 1988: 18–21; Рябов 1988; Неформалы б/д: 118; Юшенков 1990: 521–539); Материалы фильма «День откровения». Реж. Кибкало А. В. 1988.

¹⁷ Гурболик В. Беседа с автором.

век. Власти сочли за лучшее решать дискуссии «фронтовиков» и даже предоставили им помещение.

22 июня куйбышевская группа ФСОК «Перспектива» приняла участие в организации массового митинга перед обкомом, направленного против первого секретаря Муравьева. Все началось с того, что три парторганизации (университет, пединститут и аэропорт) отказали Муравьеву в доверии как делегату на партконференцию. Недовольные обкомом партийцы и неформалы из «Перспективы» создали группу в 30–40 человек, которая распространила листовки и созвала народ на митинг протеста. Самарский «Гайд-парк» перед обкомом продолжал действовать до июля, собирая по 200–300 человек, приучая людей к тому, что на митинги можно ходить и обсуждать там все, что наболело. Было собрано 5000 подписей против Муравьева. 30 июля Муравьев ушел в отставку. Это «свержение» главы обкома в ходе митинговой кампании показало неформалам их силу. В Куйбышеве начал формироваться «Народный фронт». В то же время при сохранении существующей политической системы митинговая волна вела лишь к смене генераций партократов, к замене консерваторов более гибкими представителями номенклатуры.

Не замечая, что их движение выгодно части номенклатуры, неформалы ждали, что их будут жестоко разгонять, и удивлялись запаздыванию контрудара. Поведение куйбышевской милиции явно определяется формулой «вам надо, вы и разгоняйте» (Солонин 1988), — писал лидер

«Перспективы» М. Солонин. Он заметил, что «существует какой-то “пороговый уровень” (500–1000–2000 человек), выше которого разгон силами обычных подразделений МВД и без применения оружия и техники становится невозможным» (Там же). С поправкой на порядок это предположение оказалось верным — когда митинги стали достигать численности в десятки тысяч людей, их уже нельзя было разогнать без жертв. А жертвы означали международный скандал и перспективу гражданской войны.

Чтобы превзойти «пороговый уровень», нужно преодолеть пассивность масс. По мнению Солонина, широкие массы уже осознали противоречие интересов с бюрократией, но выходить из состояния пассивности будут «не через борьбу “за” (экологию, цены, расценки, жилье и прочие жизненно необходимые вещи), а через взрыв возмущения “против» (особенно если действует, как это было в Ярославле, Южно-Сахалинске, Куйбышеве, фактор “персонификации ненависти”))» (Там же).

В соответствии с тем же механизмом возникнет и «персонификация добра» — выдвижение фигуры, которая отождествляет противостояние «злу» безотносительно конструктивной программе. Именно в программном вакууме «общедемократических требований», возобладавших в 1990–1991 гг., возникнет возможность для подмены целей демократического движения. Наиболее гибкая часть номенклатуры, стремящаяся преодолеть свое отчуждение от собственности, получить свою долю капитала, поняла, что народный гнев

можно направить против фракции конкурентов.

Но в Москве, где на митинги в 1988 г. собиралось 1–2 тысячи человек, 18 июня милиция предприняла попытку разогнать «Гайд-парк». Митинг начался как обычно, но в его разгар появились оцепления милиции. Когда толпа стала скандировать «Долой Сайкина!» (председатель исполкома), в мегафон офицер милиции стал повторять формулу, которая затем стала привычной: «Граждане, ваш митинг незаконен, расходитесь, не мешайте проходу граждан!» По наблюдению очевидца С. Митрохина, «манифестация стала представлять собой некий архипелаг, омываемый тускло-мундирной голубизной милицейского моря» (Хронограф 1988).

Если бы милиция подождала еще минут пятнадцать, митинг и так закончился бы, но она начала разгон. Милиционеры произвели набег на «трибуну» митинга — небольшую тумбу, где теснились ораторы и плакаты.

Подчиниться требованию разойтись в этих условиях значило «потерять лицо». Да и расходиться было некуда — войска МВД блокировали площадку. Лидеры лихорадочно обсуждали, что делать. Решили попробовать прорваться с площадки, после чего разойтись. Ядро митинга с оставшимися плакатами и знаменами двинулось в сторону памятника Пушкину, скандируя: «Жандармы!» Произошло столкновение, сопровождавшееся потасовками. В конце концов милиция отошла, оставив

«поле боя» демонстрантам. Но 12 активных демонстрантов были задержаны и затем оштрафованы за административное правонарушение (хотя очевидное сопротивление милиции могло квалифицироваться и по уголовной статье).

С возникновением «Гайд-парка» неформалы превратились в фактор «большой политики». Теперь неформалы стали быстро обрастать народом, могла начаться цепная реакция массового движения.

ФОРМИРОВАНИЕ «НАРОДНОГО ФРОНТА» И РАЗМЕЖЕВАНИЕ ОППОЗИЦИИ

При всем их стремлении быть самостоятельными, неформалы были частью более широкой системы: «Неформалы действовали по принципу “Реформы сверху под давлением снизу”. А какую более успешную тактику в этих условиях можно было предложить? И до 1990–1991 гг. эта тактика была вполне оправданной, потому что еще не было видно, что элита переходит к либерализации»¹⁸, — считает Б. Кагарлицкий.

Казалось, что давление неформалов на власть может быть успешным, если сложить относительно небольшие силы неформальных групп вместе. Поэтому одновременно с митинговой кампанией началась консолидация оппозиционных движений различных направлений в широкое народно-демократическое движение.

С началом митинговой кампании на Пушкинской площади неформа-

¹⁸ Кагарлицкий Б. Беседа с автором 30 октября 1999 г.

лам пришел «сигнал сверху». Директор НИИ культуры В. Чурбанов, возглавлявший в Советской социологической ассоциации комиссию по проблемам самостоятельных объединений, предложил созвать конференцию неформалов. Партийные организации оказали этому мероприятию живейшее содействие.

Быстрота, с которой решались вопросы организации форума, прежде «пробивавшиеся» с огромным трудом, показала, что манифестациями неформалы доказали власти свою дееспособность. Их, конечно, не столько боялся (всегда можно разогнать), сколько используют для создания какой-то организационной структуры «в поддержку перестройки», на которую могли бы опереться реформаторы в руководстве КПСС в борьбе с консерваторами. И это было привлекательно, тем более что внутренний плюрализм в «Народном фронте» позволил бы пользоваться ресурсами (например, помещениями и доступом к прессе), не «поступаясь принципами» неформалов.

Поводом для встречи стало составление «наказа» к XIX партконференции. Теперь это должен был быть объединенный «наказ» всех «конструктивных» неформалов (т.е. кроме ДС и «Памяти»), что придавало ему более весомый статус, чем предыдущие «наказы». Для самих неформалов «наказ» должен был стать программой организации — широко фронта демократов.

5 июня форум демократической общности открылся во Дворце молодежи. Для составления «Общественного наказа» была создана

редакционная комиссия, которая одновременно стала и Организационным комитетом по созданию Московского народного фронта (ОК МНФ). В него вошли представители «Общины», «Социалистической инициативы», «Гражданского достоинства», «Мемориала», «Перестройки-88», КСИ и «Демократической перестройки». Затем ОК был дополнен представителями всех групп Московской организации ФСОК и новыми группами, возникшими на волне манифестаций. В его работе участвовали связанные с неформальным движением ученые — Г. Ракитская и С. Станкевич. Однако в ходе конференции не поступало каких-то указаний «сверху» по поводу содержания «наказа». Реформаторам из руководящих кругов КПСС, санкционировавшим проведение этого мероприятия, был важен сам факт его проведения.

7 июня ОК МНФ начал обсуждать формы новой организации. События развивались так быстро, что неформалы рассматривали будущий МНФ как часть «Народного фронта» СССР. Не вызывало сомнений, что как в Москве, так и во многих других городах возникнут массовые организации. Предполагалось за лето договориться с большинством неформальных групп страны, с которыми уже есть контакты.

На конференции 12 июня, проходившей в ДК «Энергетик», был принят «Общественный наказ», представлявший собой свод демократических и правозащитных требований, который с теми или иными вариациями повторялся в программах демократических движений и партий до 1991 г.:

«Преобразовать партию из организации, управляющей “от имени народа” при помощи переродившейся касты “партократов” в действительно политическую организацию; для этого она должна быть полностью лишена властных функций, передаваемых в Советы и органы государственного управления, что должно найти отражение в законе о партии. Статья 6 конституции должна быть соответствующим образом изменена... Вся полнота власти должна быть передана Советам... Рассматривать становление подлинного самоуправления на производстве в качестве главной стратегической задачи реформы в духе демократического социализма» (Общественный наказ... 1988). Здесь было и разделение КГБ на три ведомства, и политическая амнистия, и полный набор гражданских свобод. От документов ДС «Общественный наказ» принципиально отличался экономическим разделом, отданным «на откуп» «Общине» и представлявшим собой описание синдикалистской системы самоуправления на предприятиях и демократической координации их работы в условиях рынка. Поскольку команда Горбачева в это время как раз билась над проблемой перехода к рынку, неформалы надеялись быть услышанными.

Совещание неформальных организаций заявило о создании организационного комитета МНФ — широкого движения сторонников перестройки.

Однако в этот период единое движение демократической общественности не возникло — оргкомитет раскололся. На то были и объективные, и «субъективные», чисто человеческие причины. В основе раскола ле-

жал переход от неформального к новому этапу общественного движения. Так же как в 1986–1987 гг. неформалы в качестве доминирующей силы освободительного движения сменили диссидентов (частично поглотив их, отчасти сосуществуя с остатками диссидентского движения), так и популистское «общедемократическое» движение в 1989–1990 гг. сменило неформалов.

Но этот переход шел постепенно и в 1988 г. еще проявлялся в сложных отношениях между неформальными лидерами, на которых все сильнее давили массы новых активистов, стремившихся сплотиться вокруг демократических лозунгов и вождей без обсуждений конкретных программ преобразований. Возник вопрос о том, каким быть «Народному фронту». Приток новых людей, еще политически неопытных, приверженных шестидесятиническим марксистско-ленинским стереотипам, насаждавшимся в это время реформистской прессой, способствовал росту влияния лидеров марксистского крыла ФСОК Б. Кагарлицкого и М. Малютина. В дальнейшем произойдет переход популистского движения на антисоциалистические позиции вслед за либеральными коммунистами в 1989–1990 гг., а социалисты будут отеснены на обочину общественного движения. Старые группы, такие как «Община» и «Гражданское достоинство», стремились защититься от популистского большинства с помощью установления широкой автономии групп внутри МНФ.

Таким образом, противоречия в оргкомитете МНФ нарастали по двум линиям. С одной стороны, между

сторонниками узкосоциалистического и общедемократического характера МНФ (вторые придерживались как либеральной, так и социалистической ориентации). С другой стороны — защитники широкой автономии клубов и приверженцы всеобщности решений оргкомитета для всех групп, входящих в МНФ. Противоречия нарастали и из-за разного понимания перспектив «Гайд-парка» после разгона митинга 18 июня, степени уступок, на которые можно идти ради проведения легальных митингов¹⁹.

3 июля из ОК МНФ вышли «Община», «Гражданское достоинство» и еще 4 группы (в том числе 2 социалистические). Оргкомитет покинули также «Мемориал» и «Демократическая перестройка» (*Прибыловский* 1992: 155).

Этот раскол породил две модели политической организации, которые получили развитие в последующие годы. ОК МНФ продолжил создание общедемократической структуры, которая в 1989 г. сориентировалась на проведение предвыборной борьбы. «Ушедшие» занялись созданием всесоюзных идейно-политических организаций. «Гражданское достоинство» в 1989 г. сформировало партию кадетов, «Община» вместе со своим крылом ФСОК — Конфедерацию анархо-синдикалистов, «Мемориал» — крупнейшую в стране историко-правозащитную организацию. Раскол неформалов в 1988 г. на деле не дал пальму первенства ни одной из фракций — каждая пошла своим путем. Но концепция МНФ была приемле-

ма для популизма (хотя ведущие лидеры неформалов-«большевиков» после победы популизма были отсеяны новым руководством «демократов»), а концепция «ушедших» исходила из сохранения традиций именно неформального движения.

Мир неформальных организаций представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники «играли в большую политику», растрачивая энергию на борьбу за места в «координационных органах», отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. Конечно, и в этом был смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы тысячи людей, а их издания превратили «гласность» в свободу слова. Но и «внутриполитические» страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был беспрецедентный «тренинг», когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили плюралистическую политическую культуру, характерную для обществ с давними политическими традициями.

Это был первый опыт публичной политики, которая моделировала парламентскую культуру и создавала традиции гражданского общества в России. С теми или иными вариациями политические сценарии этого времени повторялись затем в сотнях партий, движений, комитетов, советов и прочих представительных органах.

¹⁹ Подробнее см. (*Шубин* 2006: 220–223).

В ходе предвыборных кампаний неформалы 1989–1990 гг. постепенно были вытеснены на обочину политической жизни «демократическим» движением с популистской структурой. Если неформальное движение представляло собой горизонтальную сеть равноправных групп, то «демократическое движение» возглавляли депутаты, которым подчинялся аппарат, не мудрствовавший лукаво о конструктивной программе. Которую предстоит осуществлять после победы над КПСС. Задача заключалась в том, чтобы заменить «коммунистическую» правящую элиту на «демократическую». Неформалы приняли участие в этом процессе, все больше профессионализируясь вне собственно политической сферы — в журналистике, социальных организациях и других структурах гражданского общества.

ЧТО ЭТО БЫЛО И ЗАЧЕМ?

На фоне грандиозных потрясений XX в. неформалы выглядят несолидно. Ведь они никого не убили, и жертвы с их стороны были невелики. Что такое события 1986–1990 гг. в сравнении с Великими революциями, гибелью древних империй или даже небольшими эпизодами вроде экспедиции Че Гевары? По счету пролитой крови — ничто. Но, может быть, для потомков должно быть важнее другое — соотношение масштаба перемен и количества жертв. В этом отношении большое уважение вызывают методы борьбы Махатмы Ганди, сэкономившие немало жизней на пути истории.

Любой результат исторического действия вызывает споры — во благо это

было сделано или во зло. Но гибель людей всегда поддается учету, и если можно прийти к результату с минимальными жертвами — это лучше, чем горы трупов.

Масштаб перемен конца 80-х гг. ставит события перестройки в один ряд с важнейшими вехами мировой истории. Поражает бескровность перемен — во всяком случае на территории «славянских» республик. Перемены, которые, как казалось, могли стать результатом только кровопролитнейшей войны (в том числе гражданской), произошли без потоков крови.

Именно неформалы сумели ввести в российскую практику методы ненасильственной массовой политической борьбы (митинги, демонстрации, массовый самиздат и др.) и затем обучили ей официальных «либералов». Эта технология «бархатной революции» (как затем называли ее в Восточной Европе) могла быть использована в самых разных целях, как показал опыт начала XXI в. — и вовсе не революционных. Но она имела очевидное отличие от более привычных методов свержения режима. Это количество крови.

В 1988–1989 гг. ненасильственная митинговая революция была не просто технологией, не просто шоу ради смены одного президента другим. Речь шла об основах социального устройства, о переменах во всех сторонах жизни. Тысячи людей приходили на эти митинги, несмотря на опасность преследований, чтобы услышать новое слово, чтобы продемонстрировать властям «силу народа».

В этом отношении неформалы выиграли — они запустили процесс крушения коммунистического режима и снизили издержки эпохи перемен. Без неформалов ненасильственный характер перемен был бы невозможен. Так что если коммунистическому режиму суждено было пасть, хорошо, что ему бросили перчатку неформалы, а не военные заговорщики или бунтующие массы.

Неформалы стали «стартером» массового движения. Уличная оппозиция активизировала действия своих союзников в правящей элите. Неформалы играли роль группы давления в 1988–1989 гг., после чего популистское движение приобрело уже собственную инерцию, и от неформалов мало что зависело. Можно было делать карьеру или пытаться выстраивать структуры гражданского общества. Гражданское общество в современной России — это продукт работы неформалов.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Демократический союз 1988 — Демократический союз. Пакет документов. Москва, 9 мая 1988 г.

Митрохин 1988 — Митрохин С. Рождение «Гайд-парка» // Хронограф. 1988. № 7.

Неформалы 1990 — Неформалы. Социальные инициативы. М.: Московский рабочий, 1990.

Общественный наказ... 1988 — Общественный наказ партийной конференции // Открытая зона. Август 1988 г. № 7.

Община 1988 — Община. 1988. № 11.

Рябов 1988 — Рябов П. Вылазка из подполья, или социалистический плюрализм мнений на площадях Москвы (размышления об итогах майско-июньской митинговой кампании). Архив Шубина А. В. Ф. Июнь-август 1988.

Солонин 1988 — Солонин М. Разведка боем. // Архив Шубина А. В. Ф. 1988.

Хронограф 1988 — Хронограф. 1988. № 8.

Юшенков 1990 — Юшенков С. Прощай Гайд-парк на Пушкинской // Хронограф-90.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кузнецов 1990 — Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба. «Спектр». № 1. 1988 // По страницам самиздата. М., 1990.

По страницам самиздата 1990 — По страницам самиздата. М., 1990.

Прибыловский 1992 — Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1992.

Сигман 2014 — Сигман К. Политические клубы и перестройка в России. Оппозиция без диссидентства. М., 2014.

Шубин 2006 — Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989. М., 2006.

INFORMALS IN PERESTROIKA

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: perestroika, informal movement, Club of social initiatives, “Memory”, FSOK, “Community”, People’s Front.

Abstract. The article discusses the history of political informals — a network of legally operating socio-political organizations of the second half of the 80s. Considering their formation, the first campaigns, splits and withdrawal from the forefront of the social movement, the author concludes that it was the political informal organizations of the second half of the 80s that became the creators of modern civil society in Russia and had an important impact on the Perestroika process and, therefore, the modern political culture of Russia.

REFERENCES

- Kuznetsov I. Istoriiia sozdaniia Vsesoiuznogo sotsial'no-politicheskogo kluba. "Spektr", no. 1. 1988. *Po stranitsam samizdata*. Moscow, 1990.
- Po stranitsam samizdata. Moscow, 1990.
- Pribylovskii V. *Slovar' novykh politicheskikh partii i organizatsii Rossii*. Moscow, 1992.
- Shubin A. V. *Predannaia demokratiia. SSSR i neformaly. 1986–1989*. Moscow, 2006.
- Sigman K. *Politicheskie kluby i perestroika v Rossii. Opozitsiia bez dissidentstva*. Moscow, 2014.